

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА ЧЕРЕЗ ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА

Долженков Валерий Николаевич

канд. филол. наук, доцент, Российский государственный социальный университет, РФ, г. Москва

The meaning of a word through understanding the language

Valeriy Dolzhenkov

Candidate of Philology, associate professor in Russian State Social University, Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о значении слова на основе его сопоставления с понятием. Излагаются взгляды на разность и связанность значения и понятия в языке.

Abstract. This article deals with the question of the meaning of a word on the basis of its comparison with the concept. Views on the difference and connectedness of meaning and concept in language are expounded.

Ключевые слова: значение; понятие; слово; язык; знак; мышление.

Keywords: meaning; concept; word; language; sign; thinking.

В современной лингвистике существуют три основных направления в рассмотрении вопроса о значении слова. Каждое из них представлено как в российском, так и зарубежном языкознании.

Первое направление продолжает традиционную трактовку значения слова и пытается раскрыть природу значения на основе его непереносимого сопоставления с понятием.

До В. Гумбольдта господствовало понимание языка как технического инструмента мысли, значение приравнивалось к понятию. В. Гумбольдт первый высказал мысль об активной роли языка по отношению к мысли. Его утверждения, что «язык есть орудие образования мысли» и что «без языка невозможно образование понятий» [1, с. 68], а также высказывания о внутренней форме как способе соединения понятия со звуком, хотя и не точные, и не совсем ясные, послужили основой для рассмотрения значения как активного, преобразующего средства выражения понятия. Эти же тенденции прослеживаются в работах ученых и в наши

дни.

Значение приравнивается в настоящее время большей частью не к логическому, так называемому научному, понятию, а к тривиальному, обычному, повседневному. Часто не все значение, а часть его, логико-понятийное, или концептуальное ядро, считается носителем, выразителем понятия, но кроме этого выделяются другие элементы значения, которые носят непонятийный характер. Значение слова оказывается состоящим из гетерогенных предметных, логических, психологических и языковых элементов.

Сопоставление значения и понятия приводит других ученых к выводу, что значение и понятие — разные, хотя и связанные друг с другом, факты мышления. Их несовпадение объясняют тем, что значение выражает не понятие, а представление или особую единицу мышления. В зарубежной лингвистике, особенно немецкой, часто пишут в этой связи о мыслительно-понятийной величине, утверждая, что в сущности неважно, чем она является — понятием, представлением и т. п. [6, с. 63].

Несмотря на значительные расхождения в выводах о «понятийности» значения, семасиологов первого направления объединяет то, что они видят единственную возможность понять природу значения путем его сравнения с понятием и понимают эту природу как некое мыслительное содержание языковой формы. Какие бы компромиссные решения ни принимались по поводу того, куда же причислить значение слова: к языку или не к языку, логичным в этой концепции может быть одно — признание неязыкового характера значения и вынесение его исследования за пределы языкознания. Обоснованность только такого заключения в пределах данной теории совершенно очевидна, но очевидно и другое: логика исследования, доведенная до конца, показывает несостоятельность исходной предпосылки, ищущей ключ к значению в среде понятий и представлений. Обнаружение в семантике слова логико-понятийных элементов становится в этой теории достаточным основанием для расширения соотношения между означающими и означаемыми до полного соответствия составляемого и составляющих и, далее, формы и содержания без всяких ограничений.

Слово действительно может служить для выражения понятий, но понятие не должно только на этом основании считаться содержанием, наполнением языковой формы. Этим не только уничтожается языковая природа значения, но и искажается природа понятия. Оно оказывается связанным языковой средой и подчиненным языковым закономерностям, так как его форма считается не мыслительной, а принадлежащей языку. Более того, в рамках этой теории понятие, благодаря языковой форме становится не понятием, а переработанной единицей мышления или же заменяется совершенно новыми единицами мышления, которые воплощаются в языковой форме. Короче говоря, понятие в форме значения приобретает такие свойства, что оно выходит из области мышления, а значение, наполненное понятием, не может оставаться в области языка. Таким образом, логика рассуждения не позволяет утверждать без оговорок, что значение есть форма понятия, а понятие — содержание значения.

Анализ конкретного языкового материала, проводимый с позиции этой концепции, также опровергает ее теоретические предпосылки. Мы позволим себе не приводить общеизвестных примеров несоответствия понятий значениям и значений понятиям.

Отвергая положение, что значение — это языковая форма понятия или какого-либо иного мыслительного содержания, мы не отрицаем того очевидного факта, что словом может быть выражено понятие и объединение понятий [4, с. 16]. Это соответствует тому, что в речи язык становится формой выражения мышления, а, следовательно, и формой выражения понятий.

Но понятие не связано от природы со словом, хотя слова и помогают его формированию, его материальному закреплению через язык. Наше языковое общение также раскрывает значения, которые прямо не указаны в словах, используемых нами [3, с. 82].

Второе направление, сознательно порвавшее с традиционным подходом к значению с позиции мышления, лишает значение слова свойства быть содержанием этого слова. Это направление опирается на знаковую теорию языка и определяет значение как отношение слова-знака к другим компонентам процесса семиозиса.

С позиции семиотики значение или содержание знака не субстанционально, а функционально. Оно заключается в том, что через значение знак соотносит одних участников семиозиса с другими участниками, которые становятся в этом процессе денотатами или десигнатами. Ч. Моррис писал, что было бы лучше исключить термин значение (meaning) из семантического анализа, но из-за того, что он имеет большую историю, его приходится интерпретировать в терминах семиотики, и здесь значение сводится к правилам употребления знака в процессе семиозиса [7, с. 47]. Эти правила носят синтаксический, семантический и прагматический характер. У знака выделяются такие же значения, соотносящие его соответственно с другими знаками, с предметами и с людьми. Чтобы знак получил полную характеристику, нужно установить все три вида отношений.

Согласно этой теории значение слова, приравниваемого к знаку, распадается также на три указанные выше значения и должно изучаться путем установления трех видов правил его употребления. При этом часто значение слова сводится только к семантическому значению знака и определяется, если обобщить множество формулировок, как отношение знака к обозначаемому. Под обозначаемым понимается предмет (денотат) или класс предметов (экстенционал) и их характеристики, вырабатывающиеся в процессе семиозиса (десигнат, интенционал). Ни тот, ни другой компонент обозначаемого не включается в знак.

Природа денотата не вызывает разногласий: это объект, к которому знак отсылает, на который он указывает, направляет мысли или действия организма [2, с. 59]. Сложнее обстоит дело с определением природы десигната и интенционала. Авторы этих терминов (Ч. Моррис и Р. Карнап) видят в них понятия семиотики и формальной логики и не сравнивают десигнат или интенционал с понятиями традиционной логики. Российские ученые продолжают и в знаковой теории придерживаться того мнения, что значение слова — это отношение знака к мысли, звучания к продуктам сознания, соотносительность фонической формы с определенным понятийным содержанием [5, с. 62] и, более того, значение определяется даже как зафиксированное в звучании отражение предмета, то есть опять совсем так, как это делается в традиционной семасиологии.

Далее необходимо отметить, что поскольку обозначаемое не принадлежит знаку, то в семиотике для значения неважна его природа и центральным становится только отношение. Но и в формальной логике, и в семантике, и в лингвистике все внимание при анализе знаков естественного языка уделяется именно обозначаемому, а не самому отношению. Поэтому семантическое значение, то есть правила связи знака с тем, что он обозначает, совершенно не выяснено, кроме давно известных положений о многозначности и синонимии, если их можно считать правилами соотношения знака с денотатом.

С нашей точки зрения, это происходит потому, что в семиотике имеет место подмена субстанционального понятия значения функциональным понятием отношения. С точки зрения знаковой теории основным для знака является его функция в процессе семиозиса. Знаковая теория не интересуется самим знаком (например, из чего он состоит или сделан, его вещественной стороной), а в естественном языке значение образует наряду со звучанием языковой знак, его субстанцию; следовательно, значение знака естественного языка не может быть предметом семиотики, так же, как и анализ его звучания. Семиотика берет языковой знак, как и любой другой знак так, как он уже есть, и изучает его функции, отношения, его роль в семиозисе. Однако языковой знак только отчасти исчерпывается таким изучением. Он тем и отличается от других знаков, что требует внимания к себе, к своему значению, к тому, что в нем содержится и на основании чего он выполняет свою функцию знака. Теория отношений оказывается для него недостаточной.

Список литературы:

1. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., Прогресс, 1984. 398 с.
2. Ветров А.А. Предмет семиотики. – Вестник филологии, № 3, 1975. 233 с.
3. Долженков В.Н. Роль пресуппозиции при словесном обозначении оценки речевого

поведения в диалоге // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44). Ч. 2. С. 81-83.

4. Звегинцев В.А. Вступительная статья к переводу книги А. Шаффа. Введение в семантику. – М., 1963. 216 с.

5. Чесноков П.В. Основные единицы языка и мышления. – М., 1966. 115 с.

6. Nehring A. Sprachzeichen und Sprechakle. Heidelberg, 1973, S. 63

7. Morris Ch.W. Foundations of the Theory of Signs, International Encyclopedia of United Science, vol. 1, No. 2, Chicago, 1968, p.47.